

Кинан Джонс

The Dig

Перевод Яны Калининой

Они привязали собак недалеко от норы, налили им воды и попили сами. Мальчик к воде даже не притронулся: ему все еще не хотелось пить из той же фляги, что и здоровяк.

Лес здесь был не таким густым, и сквозь верхушки деревьев на землю падали лучи солнца. Пробираясь сквозь чащу леса, они не слышали ничего, кроме шума собственных шагов, и теперь, когда они остановились, до них доносилось щебетание птиц, и лес был наполнен жужжанием раннего утра. Вдруг стало невероятно холодно, как будто где-то открылась дверь и они оказались на сквозняке. Мальчику стало не по себе. Казалось, кто-то хотел сказать, что остаться незамеченными им не удалось.

— Первый раз на барсука? — спросил здоровяк.

Мальчик нерешительно кивнул. Было слышно, как собаки лакали воду из чашек.

— Основной вход в нору — там, — здоровяк показал рукой на склон бугра, — кобеля пустим первым, — добавил он, имея в виду большого терьера, Джипа.

Собака здоровяка, сучка, сидела у ног хозяина, отстраненно глядя на других собак.

— Потом — она, — показал он на свою собаку. — Будет лучше, если первым пойдет кобель.

Большие следы не давали покоя здоровяку, и он пытался представить, насколько большим может оказаться этот барсук.

— Здесь нужна собака покрупнее.

Все они знали, что если пустить суку за сукой или кобеля за кобелем, собаки не смогут спокойно пройти мимо друг друга и, скорее всего, все закончится

потасовкой, чего обычно можно было избежать, отправив за сукой кобеля или наоборот.

Отец мальчика кивнул в знак согласия и продолжил проверять, работает ли приемник локатора¹.

Мальчику хотелось пить, но, не решаясь открыть вторую флягу с водой на глазах у здоровяка, он лишь смотрел на нее.

— Возьми мальчика, и закройте с ним все выходы с той стороны. Я пойду по этой.

Здоровяк, напоминавший мальчику цыгана, вытащил нарисованную от руки карту, которую он взял с собой, и показал его отцу, где находятся выходы из норы. Объяснив, он спросил мальчика, понял ли тот, что им нужно делать. Мальчик почувствовал, как под застегнутым до самого верха воротником куртки к лицу его от волнения подступила краснота, но волнение это было приятным, и, хотя в горле его пересохло от жажды и ему безумно, как бывает только с подростками, хотелось есть, при мысли о первой охоте он начал нервничать и ему вдруг стало приятно оттого, что он может быть полезен здоровяку.

Они размотали свернутые в рулон куски толстой пленки, затянули ими, один за другим, все выходы из норы, обложив их края камнями, закидали увесистыми палками все тропинки, по которым барсук мог уйти, и вернулись к собакам. Взяв двух, которых они хотели отправить первыми, они поднялись к главному входу в нору и воткнули инструменты в землю.

Рядом с норой была разбросана засохшая земля, из-под которой виднелись едва заметные в утреннем свете резные листья папоротника. Джип, словно напав на барсучий след, то и дело пытался вырваться к норе. И хотя забросанный землей папоротник мог означать, что барсук ушел накануне, реакция Джипа говорила о том, что след животного был еще совсем свеж.

Мальчик посмотрел на рвущуюся с поводка собаку и ощутил такое же напряжение внутри себя. Оно было ему уже знакомо: то же самое он чувствовал перед тем, как во время своей первой травли крыс он спустил на них собак.

---

¹ Поисковое устройство, предназначенное для отслеживания собак во время охоты, обычно состоит из ошейника с радиопередатчиком и радиоприемника.

Отец мальчика наклонился к ненаходящей себе места собаке и проверил приемник и ошейник еще раз. Джип, еще недавно рвавшийся с поводка, уже стоял, словно каменный, и смотрел на нору, не отводя от нее взгляда, по телу его пробежала дрожь — он был готов.

Отец мальчика проверил локатор еще раз и, убедившись, что на приемник поступает сигнал с ошейника, отпустил собаку.

Мальчик думал, что собака сразу же подаст голос, но этого не произошло. Все внутри него сжалось. Ребяческое чувство восторга медленно захватывало его. Такого с ним еще не было. Какое-то время спустя глубоко под землей завизжала собака. Затем еще раз. В ту же секунду отец его бросился к норе и, упав перед ней на живот, с необычайным волнением в голосе стал звать собаку, выкрикивая в пустоту норы его кличку.

— Хороший Джип... Хороший Джипи... Держи его, бродягу...

Мальчик посмотрел на здоровяка, будто слова его отца могли выдать его и рассказать мужчине, кого он напоминал мальчику, но здоровяк был полностью поглощен происходящим и с горящими жестокостью глазами наблюдал, как его собака, сучка Месси, сосредоточив все внимание на норе, каменела от напряжения. Не вытерпев ожидания, собака с гулом завывала.

Лай раздавался то тут, то там. Громкий звук, доносившийся из-под земли, сменялся глухим и снова становился громким, пока разница не перестала быть заметной и лай не приобрел едва различимый вибрирующий звук.

Здоровяк ходил по бугру из стороны в сторону. Казалось, его затянул водоворот, по течению которого он кружился. Затем, будто схватившись за что-то, здоровяк остановился и снова пошел, прислушиваясь. Отец мальчика, наблюдая за сигналом на приемнике, шел ему навстречу, пока они не остановились на одном и том же месте, подтверждая расчеты здоровяка.

— Здесь, — сказал он.

Они принесли инструменты и начали копать.

Была ранняя весна, и земля была застлана густым, чистым и блестящим после дождя ковром из еще не зацветших колокольчиков. Сняв верхний слой этого ковра, они расчистили землю от корней росшего рядом белого клена, здоровяк-цыган срезал с дерева ветку, согнул ее, вставил обоими концами в мешок и положил его туда, где они собирались копать.

Земля была сырой после дождя и прилипала к складным лопатам, которыми они разрубали корни растений. Запах гнилой листвы и только что вырытой почвы становился все сильнее. Когда показался корень потолще, было решено отправить мальчика вниз с пилой. Копать становилось все тяжелее.

Здоровяк молотил по земле киркой, мальчик и его отец разгребали землю лопатами. Не проработав и нескольких минут, мальчику ужасно захотелось есть и пить и сил постоянно звать вместе с мужчинами собаку, которая была где-то под землей, у него почти не осталось. Голова его кружилась от усталости. Он переживал, что сдастся раньше, чем взрослые. Когда яма стала глубже, они обложили ее края пластиковой пленкой и их движения приобрели один настойчивый и непрерывный ритм.

Барсук был их, и скорость, с которой они копали, больше не имела значения. Все, что имело значение, — это выносливость.